

запирать, одевать и мн. др.). Об этих действиях, конечно же, можно сказать *вставал, вставал, вставал и, наконец, встал*. Однако такое их употребление связано с необычными ситуациями, в обыденной жизни достижение результатов, связанных с этими действиями, не требует усилий. Поэтому потенциал, связанный с видовыми противопоставлениями, реализуется в этих парах двойко, а именно: как указание на то, что действие достигает результата, и как указание на то, что действие совершается только один раз. Такой искомый глагол *встать*. Если имеется тот же глагол, то от него может быть задано также образование другого глагола, отличающегося от данного только указанием на результативность действия. Такой искомый глагол также *встать*.

Наконец, у нас может иметься глагол, обозначающий действие, для которого характеристика, связанная с результатом, абсолютно органична (*писать, читать, строить, разрушать* и мн. др.). В этих случаях видовые возможности реализуются как образование таких глаголов, которые отличаются от данных лишь указанием на результативность действия. Такие искомые глаголы: *написать, прочитать, построить, разрушить*.

Таким образом, представляется, что вид как грамматическая категория особого типа при синтезе новых образований от данных слов разлагается в цепь различных семантических характеристик.

Подводя некоторые итоги сказанному, можно утверждать, что грамматические категории рода, числа и падежа существительных, а также вида, времени, наклонения глагола связаны в большей (как вид) или меньшей (как род) степени с номинативными значениями. При этом соответствующие номинативные значения могут выражаться не только грамматическими средствами. Эти же значения могут передаваться и словообразовательными средствами (число, род) и лексическими (служебные слова у падежа, лексические показатели у вида, времени, наклонения). Таким образом, вполне возможен несколько иной взгляд на русскую морфологию, чем тот, который является господствующим ныне в русистике. Речь идет о выделении в русской морфологии тех номинативных значений, которые могут выражаться с помощью словоизменительных средств, но не только с их помощью. Эти средства могут быть семантически чуждыми или органичными для определенных групп русских слов и словоформ. В рамках этих своих семантических свойств указанные средства могут обладать или не обладать синтагматическими свойствами, позволяющими или запрещающими им соединяться с конкретными самостоятельными единицами русского языка.

В качестве таких номинативных значений можно было бы выделить следующие.

1. Указание на пол. Разумеется, это значение семантически может соединяться лишь с существительными, обозначающими живых существ. Однако различные существительные из этой семантической группы по-разному выражают указанное значение. Словоизменительные средства — окончания прилагательных и глаголов в форме прошедшего времени — используются для обозначения пола лиц, обозначенных существительными общего рода: *был ужасный неряха и была ужасная неряха*. Словоизменительные средства указывают на пол лица, обозначенного существительным адъективного типа склонения: *служащий — служащая, дежурный — дежурная* и т. п. Однако в других случаях данное значение реализуется в форме суффиксов. Причем оппозиция может быть и эквиолентной (*купец — купчиха, торговец — торговка*), и привативной, где сильным членом может быть, хотя и редко, дериват со значением лица мужского пола: *стервец, шельмец* и дериват со значением лица женского пола: *учительница, поэтесса*.

Если рассматривать данный круг значений в качестве некоторого семантического поля, то нельзя утверждать, что ядром этого явления выступает грамматическая категория рода. Эта грамматическая категория